

LITERATUR

- Cavalli-Sforza, L. L., Menozzi, P., Piazza, A. 1993, *The History and Geography of Human Genes*, Princeton.
- Künnap, A. 1997, Uraliläisten kielten jäljistä indoeurooppalaisissa kielissä. — *Vir.*, 79—83.
- Pusztay, J. 1995, *Diskussionsbeiträge zur Grundsprachenforschung (Beispiel: das Protouralische)*, Wiesbaden (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 43).
- Thomason, S. G., Kaufman, T. 1988, *Language Contact, Creolization and Genetic Linguistics*, Berkeley—Los Angeles—Oxford.
- Villems, R., Adojaan, M., Kivisild, T., Metspalu, E., Parik, J., Pielberg, G., Rootsi, S., Tambets, K., Tolk, H.-V. 1997, *Reconstruction of maternal lineages of Finno-Ugric speaking people and some remarks on their paternal inheritance (Manuskript)*.
- Wiik, K. 1997, *The Uralic and Finno-Ugric substratum in Proto-Germanic (Manuskript)*.

AGO KÜNNAP (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1997.4.12>

I (VI) МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «ДИАЛЕКТЫ И ИСТОРИЯ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ДРУГИМИ ЯЗЫКАМИ»

20—21 ноября 1996 года в г. Ижевске состоялся очередной симпозиум «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками». На симпозиуме было прочитано 42 доклада — по традиции, учеными как из республик и областей Российской Федерации (Ижевск, Сыктывкар, Омск, Кудымкар, Елабуга, Пермь), так и из других стран — Финляндии (Хельсинки, Турку) и Венгрии (Сегед). Не случайно VI зональный симпозиум был объявлен как I Международный.

I (VI) Международный симпозиум состоялся в те дни, когда старейший вуз Удмуртской Республики — Удмуртский государственный педагогический институт (1931—1972) / Удмуртский государственный университет (1972 —) — отмечал свое 65-летие, и, естественно, был посвящен этой юбилейной дате.

Симпозиум открыли председатель Комитета по науке, высшему и среднему профессиональному образованию при Правительстве Удмуртской Республики проф. С. М. Решетников и проректор УдГУ по науке проф. В. Е. Шудегов.

Первое пленарное заседание в связи с 65-летием университета было посвящено преимущественно проблемам преподавания отдельных финно-угорских языков и других финно-угроведческих дисциплин в некоторых вузах России (5 докладов).

И. В. Тараканов (Ижевск), «К истории образования удмуртского отделения (факультета удмуртской филологии)», доложил о становлении вузовского преподавания удмуртоведения, преподавательской и научно-исследовательской деятельности коллектива удмуртского отделения филологического факультета (ныне факультета удмуртской филологии).

В. К. Кельмаков (Ижевск), «История преподавания финно-угроведческих дисциплин в Удмуртском государственном университете», выделил в истории формирования системы преподавания финно-угроведческих дисциплин в Удмуртии четыре периода: 1) начало и середина 20-х годов; 2) конец 20-х — начало 70-х годов; 3) 1972—1993 гг. и 4) начиная с 1994 г.; он проанализировал особенности и трудности (политические, экономические, интеллектуально-научные и др.), которые были характерны для каждого периода.

Своими конкретными предложениями по улучшению преподавания финского языка в университетах четырех финно-угорских республик поделилась Сара Хянникяйнен (Турку—Ижевск), «Преподавание финского языка для студентов финно-угорских отделений университетов России», проработавшая в качестве лектора финского языка в Мордовском (полгода) и Удмуртском (два с половиной года) университе-

тах. Она, в частности, предлагает, чтобы 1) финский язык носителям финно-угорских языков преподавался на основе родного языка; 2) изучение языка сочеталось со страноведением; 3) лекторы — носители языка — давали углубленные знания, а первоначальные навыки давались своими преподавателями на местах и т.д.

Б. И. Осипов и О. Г. Никонорова (Омск), «О программе ознакомительного спецкурса по финно-угорским языкам для студентов-русистов», предложили вниманию коллег программу на материале удмуртского и венгерского языков, которая предусматривает не только ознакомление с составом и территорией распространения финно-угорских языков, но и более конкретный анализ тех особенностей фонетики и грамматики, которые существенно отличают эти языки как от русского, так и от изучаемых в российской высшей школе западноевропейских языков.

Дж. Рютер (Хельсинки), «О проекте «Комплекс лексика», занимаясь составлением компангло-финского словаря, начал вводить в компьютер лексический материал, чтобы им можно было пользоваться в дальнейшем универсально, для чего докладчик дает не только фонетическое описание слов, но и дублирует систему правописания путем кодирования отсутствующих в латинской графике знаков; вводит правила, регулирующие правописание морфологических явлений, изменений в глагольной системе при спряжении и т.д.

На секции I, «Вопросы грамматики и диалектологии», было прочитано восемь докладов.

С. В. Соколов (Ижевск), «Междометия и подражательные слова в удмуртском языке», на основе анализа грамматических особенностей междометий и подражательных слов впервые в удмуртском языкознании предложил выделить подражательные слова в самостоятельную часть речи. Подражательные слова докладчик делит на две группы: 1) звукоподражательные слова, представляющие собой воспроизведение звуков природы, человека и предметов труда (*боз-боз, мяу-мяу* и др.) и 2) образподражательные слова, звуковыми средствами передающие картины окружающей действительности (*гáнь - гáнь кылле* 'лежит в растяжку (безмятежно)' и др.).

А. Ф. Шутов (Ижевск), «Гипотаксис в

удмуртском языке. На материале двух евангелий (от Матфея, изданных в 1847 и 1992 гг.)», опроверг мнение авторов первых послереволюционных грамматик удмуртского языка о том, что в удмуртском литературном языке ранней поры отсутствовали сложноподчиненные предложения и их функции выполняли простые предложения с распространенными членами. В Евангелии 1847 г. докладчик обнаружил 224 обстоятельственных, 71 изъяснительное, 66 определительных придаточных предложений; кроме того, выявлено употребление в союзной функции слов *бон* 'ведь, же' > 'ибо, потому что' (85 раз), *мед(аз)* 'пусть (не)' > 'чтобы' (10 раз), *понна* 'для, ради' > 'потому что, оттого что' (4 раза), нигде не зафиксированных в указанной роли.

В. М. Лудыкова (Сыктывкар), «Функционально-семантические типы вопросительных предложений в коми языке», в зависимости от цели вопроса выделила два типа вопросительных предложений — общевопросительные и частновопросительные, а также определила формальные средства образования вопросительных предложений — интонация, частицы, вопросительные местоимения. Она указала на возможность приобретения вопросительными конструкциями вторичных функций, таких как риторическая, рефлексивная, побудительная, функции переспроса.

Е. А. Цыпанов (Сыктывкар), «О статусе каузативных глаголов в коми языке», обратил внимание на тот факт, что коми глаголы с суффиксами *-бд* и *-т*, вопреки мнению авторов нормативных грамматик, не всегда являются собственно каузативными, выражающими двусубъектное действие, где есть или подразумевается как каузатор, так и субъект — реальный исполнитель действия; выделяются и чисто транзитивизирующие глаголоупотребления, без какого-либо каузативного значения.

Н. А. Сергеева (Ижевск), «Функционирование глагольных времен в удмуртском языке», отметила, что при анализе текстов обнаружена определенная закономерность взаимозамены глагольных временных форм: форма настоящего времени → прошедшее время, форма прошедшего времени → будущее время, форма будущего времени → прошедшее время. В текстах не выявлено использование форм глагольного прошедшего времени вместо настоящего, что, по-види-

тому, обусловлено скоротечностью и относительной неустойчивостью настоящего по отношению к прошедшему и будущему.

В докладе А. А. Алашеевой (Ижевск) «Усилительно-личные местоимения в говорах северноудмуртского наречия» фонетические и морфологические особенности парадигмы числовых и падежных форм указанного разряда местоимений рассмотрены на материале верхнечепецких, среднечепецких и частично нижнечепецких говоров в сопоставлении с литературным языком.

В. Б. Возняков (Ижевск), «Особенности юдинского говора бесермянского наречия», кратко описал фонетические и морфологические явления бесермянского говора с. Юнда, на основе чего пришел к небезызвестному в удмуртской диалектологии выводу о совмещении в отдельных бесермянских говорах особенностей как южного, так и северного наречий.

Р. Ш. Насибуллин (Ижевск), «Формирование отдельных этнических групп удмуртов Закамья по данным языка», отметил, что в формировании говоров переселенческих этнических групп определяющим является сочетание двух факторов: материнского диалекта прежнего места обитания основной массы переселенцев, с одной стороны, и социолингвистического окружения на новом месте их проживания, с другой.

На секции II, «Вопросы ономастики, семасиологии, лексикологии и лексикографии», было заслушано семь докладов.

Л. Е. Кириллова (Ижевск), «О некоторых архаичных апеллятивах в удмуртской топонимии», обнаружила в удмуртских топонимах такие апеллятивы, как *калым* 'залив', *чэткэр?* 'возвышенное место, гора', *вал'эс ~ вол'ос ~ в'ол'ы* 'расчищенный из-под леса под пашню или покос участок земли', *б'бмыр* 'небольшой подлесок округлой формы посреди поля' и др., которые уже не употребляются в современном удмуртском языке.

В докладе А. Г. Мусанова (Сыктывкар) «Структура микротопонимов бассейна реки Летка» рассмотрена словообразовательная система микротопонимов на фоне апеллятивного словообразования. При синтаксической классификации топонимов докладчик рекомендует пользоваться методом, предложенным финляндским топонимистом Куртом Циллиакусом.

Весьма актуальному в наше время для коми и других восточнофинно-угорских

языков процессу образования неологизмов посвящен доклад Н. Зелениной (Сыктывкар) «Неологизмы в коми языке, образованные путем словосложения».

С. А. Максимов (Ижевск), «Коми-пермячко-удмуртские ареальные лексические параллели», обратил внимание на наличие лексических элементов различного происхождения, характерных для удмуртского и коми-пермяцкого языков и в то же время не встречающихся в коми-зырянском, например, удм. *зын* 'запах; вонь', коми *зын*; удм. сев. *нюжтэм* 'шалун (о детях)', коми *н'йт'ом* 'некрасивый, отвратительный'.

В докладе О. П. Аксеновой (Кудымкар) «Рукописные словари о вымерших диалектах коми-пермяцкого языка» проанализированы пять рукописных словарей XVIII века, хранящихся в архивах г. Казани. Докладчик обратила особое внимание на выявление той архаичной лексики, которая не сохранилась в коми-пермяцком языке в совокупности его современных диалектов.

С. И. Габов (Сыктывкар), «О «Полном рукописном русско-зырянском словаре коми языка»», отметил, что самый большой и полный по объему и охвату материала словарь коми языка — «Русско-зырянский словарь» Н. П. Попова (1843 и 1864) — содержит 50—70 000 слов и существует только в рукописном виде. Этот лексикографический источник содержит своеобразные лексемы, отсутствующие в современном коми языке, иллюстративные примеры из перевода Библии, осуществленного Г. С. Лыткиным, коми пословицы и поговорки, фразеологизмы и образные выражения и т.д. К сожалению, богатый материал словаря остается в настоящее время практически невостребованным.

В докладе В. К. Кельмакова (Ижевск) «Об одном «утерянном» рукописном словаре удмуртского языка Владислава Ислентьева» речь шла о «загадочном» (до поры до времени) словаре, составленном под руководством инспектора народных училищ Елабужского уезда Вл. Ислентьева во второй половине XIX столетия, который до сих пор не удавалось найти ни в одном из известных архивов России. После долгих поисков, наконец-то, удалось обнаружить словарь в архиве Финно-угорского общества (Хельсинки), куда его сдал Ю. Вихманн, получив в качестве подарка от самого Вл. Ислентьева в 90-е годы прошлого века, о чем свидетельствует собственноручная записка Ю. Вихманна.

На секции III, «Вопросы языковой интерференции и контрастной лингвистики», было прочитано четыре доклада.

А. И. Орлова (Ижевск), «Преодоление явлений интерференции на уровне фонологии в немецко-удмуртских группах», отметила различные случаи интерференции в немецкой речи студентов-удмуртов, обусловленные особенностями их родного удмуртского и русского языков.

В. В. Климова (Ижевск) в соавторстве со студентами удмуртско-английского отделения в контрастивном плане по специально разработанной методике проанализировала семантическое развитие глаголов в английском и удмуртском языках (с Н. Захаровой, «Контрастивный анализ лексико-семантической группы со значением 'любить' в английском и удмуртском языках» и с Н. Куликовой, «Характеристика глаголов со значением 'смеяться' в сопоставительном аспекте. На материале удмуртского и английского языков»).

Контактирование удмуртского языка с русским в области географической терминологии рассмотрено в докладе М. А. Самаровой (Ижевск) «Апеллятивы русского происхождения в микротопонимии Верхней Чепцы». Докладчик отметила, что апеллятивы русского происхождения широко применяются на указанной территории в удмуртских микротопонимах в двух формах: 1) в самостоятельном топонимическом значении: *рошша* (< рус. *роща*), *пос'олок* (< рус. *поселок*) и др.; 2) в составе микротопонимов, ср. *Вылыс' поскот'ина* 'Верхняя поскотина' (< рус. *поскотина*), *Фэрма пруд* 'Пруд при ферме' (< рус. *ферма* и *пруд*) и т.д.

На секции IV, «Вопросы грамматики и фонетики», прозвучали шесть докладов.

А. Ф. Шутов (Ижевск), «Некоторые переходные случаи гипотаксиса в удмуртском языке», установил, что помимо сложноподчиненных предложений с отглагольно-именными конструкциями, функционально соответствующими придаточным предложениям, которые являются результатом развития гипотактических отношений, в удмуртском языке имеются аномальные явления: это или не достигшие совершенства конструкции, или, напротив, конструкции с тенденцией к дальнейшему совершенствованию. Поскольку они имеют диалектный характер, то есть необходимость установления нормы в отношении употребления их в литературном языке.

Г. В. Горбушина (Ижевск), «Удмурт кылын предложениосыз герзан амальёс», из трех традиционных способов связи — лексического, лексико-грамматического и синтаксического — наиболее полно рассмотрела первый, так как остальные уже довольно подробно освещены в работах Г. А. Ушакова, В. М. Ившиной, М. Р. Сельченковой.

Е. П. Шеболкина (Сыктывкар), «Система грамматических категорий коми глагола», основываясь на принципе функциональной значимости каждой категории в построении предложения, все глагольные категории делит на 1) предикативные, конструирующие синтаксическое целое (категории залога и вида) и 2) актуализационные, соотносящие предикатируемую ситуацию с комплексом «говорящий в момент речи» (категории времени, лица, числа, наклонения).

В. К. Кельмаков, Д. А. Ефремов (Ижевск), «О функциях суффиксов сравнительной степени *-гес* (*-гем*) в удмуртском языке», выявили, что суффиксы *-гес* (*-гем*) способны сочетаться практически со всеми частями речи. Отмечено также употребление их как в собственно компаративной функции, так и для выражения неполноты качества.

А. С. Лобанова (Пермь), «Об ассимиляции гласных звуков в диалектах коми-пермяцкого языка», заметила, что после выпадения интервокальных *в* (~ *л*) или *з* в оставшихся вокалических сочетаниях происходит прогрессивная ассимиляция гласных, которая нередко приводит к изменениям морфо(но)логического характера, когда меняется фонетический состав суффикса: лит. *пукалём* ~ диал. *пукавём* > *пукаём* > *пукаа'ём* 'он сидел', лит. *кагазэб* ~ диал. *кага-э-эб* > *кага-э-эб* 'мой дети'. Этот тип ассимиляции, по мнению докладчика, возник относительно недавно.

Доклад Б. И. Осипова (Омск) «К акустическим характеристикам удмуртских гласных в заимствованной лексике» содержит результаты спектрального анализа гласных, замещающих в заимствованной лексике удмуртского языка непредние гласные языка-источника (русского) в позиции после согласных, несвойственных исконной удмуртской системе: палатализованных губных, заднеязычных и *ʃ*. Показано, что удмуртские гласные — более передние, чем замещаемые ими гласные в соответствующих русских словах, и что переходный *i*-образный участок в них значительно длиннее.

Секция V, «Вопросы стилистики, языка художественной литературы и периодической печати, методики преподавания языков», занимала особое место при общей лингвистической направленности тематики симпозиума, поскольку включала доклады не только по прикладным отраслям языкознания (стилистика художественной и публицистической речи, методика преподавания языка), но и по литературоведению, журналистике и др. Заслушано восемь докладов.

Г. Ю. Кожевин (Сыктывкар), «Стилистика категории посессивности коми языка», отметил, что указательно-притяжательные суффиксы 2-го и 3-го лица ед. ч. *-ыт* и *-ыс*, помимо собственно посессивной функции, могут указывать на предмет, вербально обозначенный в предыдущем контексте.

В трех докладах освещались вопросы технологии преподавания удмуртского языка (В. Ф. Байсаров (Бурановская средняя школа Завьяловского района Удмуртии), «Кылья дышетон учебникысь кадэсьёс но соосты модульёсын радъянлэн кулэлыкес», Р. А. Кузнецова (Ижевск), «Роль сказок при обучении дошкольников удмуртскому языку как неродному», Н. А. Сергеева (Ижевск), «Роль и место глаголов в обучении удмуртскому языку как неродному»).

Вопросам стиля художественных произведений удмуртской литературы посвящены доклады С. Т. Арекеевой (Ижевск) «Стиль как выражение мироотношения автора в романе Г. С. Медведева «Лёзя бесмен»» и Т. Г. Пантелеевой (Ижевск) «Поэтика удмуртского рассказа. На материале рассказов Г. Красильникова».

Проблемы современной удмуртской журналистики рассмотрены в докладах А. А. Вахрушева (Ижевск) «Функционирование журналистики в условиях русско-удмуртского двуязычия» и Н. И. Ураькиной (Ижевск) «Анализ языка и стиля районных газет (Дебесского «Байгурезь» и Игринского «Вакут»)».

Второе (заключительное) пленарное заседание началось с заслушивания четырех докладов.

И. В. Тараканов (Ижевск), «Имеется ли окончание в пермских языках?», посвятил свое выступление функциональной классификации служебных морфем. Эта проблема весьма актуальна и сложна, особенно если принять во внимание противоречивый харак-

тер самих морфем в связи с промежуточной типологической структурой удмуртского языка, сочетающей агглютинативность с элементами флективности. Однако докладчик убежден, что в удмуртском языке классическое окончание (флексия), свойственное индоевропейским языкам, отсутствует.

И. Козмач (Сегед—Ижевск), «К вопросу о глагольной системе в удмуртском языке», выдвинул тезисы о формировании определенных морфем, выражающих грамматические категории удмуртского глагола (времени, лица, числа, наклонения и др.), на базе фонетических процессов прапермского периода. Он предлагает считаться с двумя основами глаголов не только I спряжения, что уже не ново для удмуртского языкознания (напр., *mjn-* и *mjn̄j-* 'идти'), но и II спряжения (*uʒa-* и *uʒal-* 'работать').

Л. Ш. Арсланов (Елабуга) в докладе «Финно-угорские элементы в топонимии Рыбно-Слободского района Республики Татарстан» на основе лингвистического анализа топонимов с привлечением археологического, исторического и этнографического материалов выделяет ойконимы и гидронимы удмуртского и марийского происхождения. В рассматриваемых населенных пунктах в настоящее время проживает в основном татарское и русское население; удмурты и марийцы, по мнению докладчика, были вынуждены уйти на северо-восток, оставшаяся же их часть была ассимилирована булгаро-татарским населением. Топонимы удмуртского и марийского происхождения представлены и на территории соседних Пестречинского, Тюлячинского, Сабинского и Мамадышского районов Республики Татарстан.

А. Н. Ракин (Сыктывкар), «Спланхонимическая лексика в пермских языках. Синхронно-лексикографический анализ», рассмотрел указанную группу лексики на материале трех нормативных словарей пермских языков: «Коми-русский словарь» (1961), «Удмуртско-русский словарь» (1983) и «Коми-пермяцко-русский словарь» (1985).

В заключение данного пленарного заседания было принято решение об издании материалов симпозиума в серии «Пермистика». Очередной симпозиум «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» решено провести в 1998 году в Сыктывкаре.

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)